

К Р О К О Д И Л

№ 36 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXII

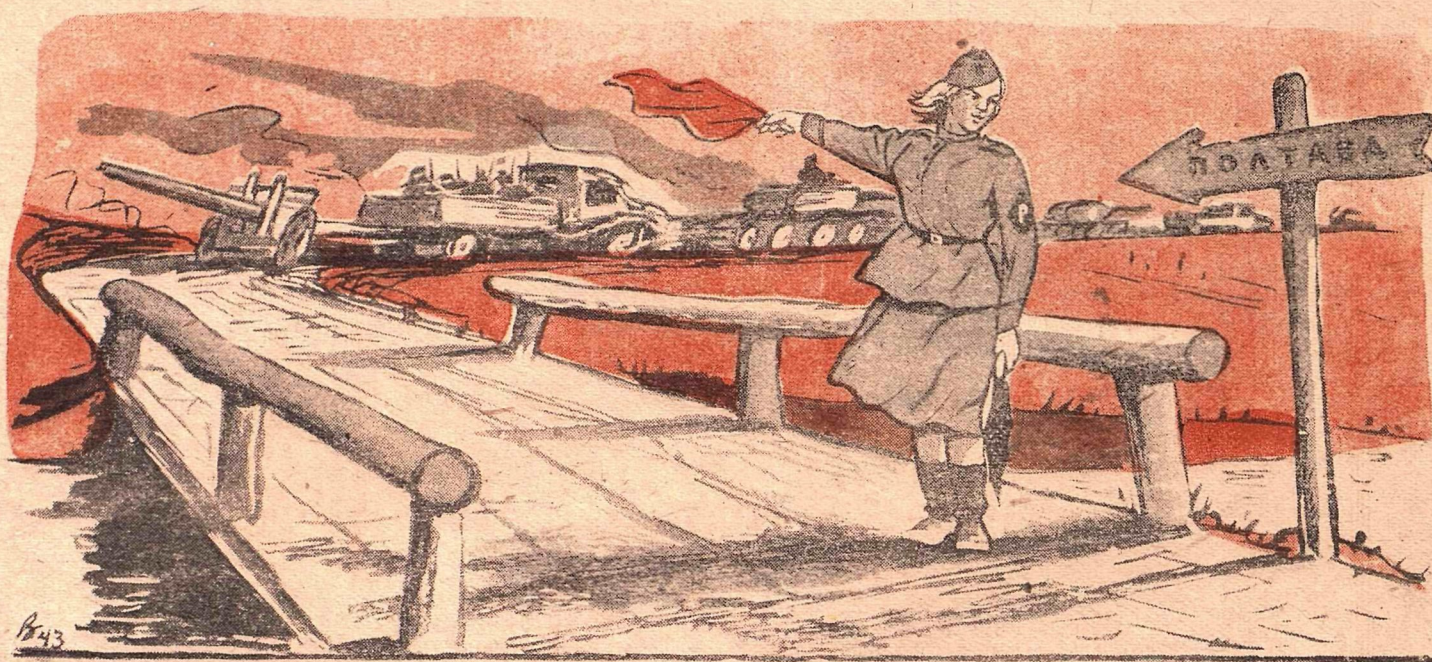
ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

R 556/43r

Казак на запад держит путь, казак не хочет отдохнуть!

Рис. Л. Бродаты.

Наталка-полтавка.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

из России в одном направлении — Полтавском. Наполеон отступал тоже в одном направлении — Смоленском. А Гитлер отступает не только на Смоленском и Полтавском, но и на многих других направлениях.

ЖЕНЕВА. Здесь стало известно, что один германский книгоиздатель выпустил на днях в свет отдельной брошюрой известную речь Гитлера, произнесенную им осенью прошлого года. В этой речи Гитлер сказал:

«Если мы где-нибудь укрепимся, то оттуда нас никто не выгонит».

«Мы приступили в России к освоению тысячи заводов, фабрик и угольных шахт».

«Мы укрепили наш союз с нашим старейшим союзником — Италией. Надежды неприятеля на наше разделение безумны».

Книгопродавец арестован и заключен в концентрационный лагерь. Брошюра конфискована.

МИНСК. Убийство гаулейтера Кубе встречено местным населением с большим сожалением. Белоруссы с горечью говорят: «Как жаль, что это происшествие случилось с таким запозданием!» Между прочим, сообщают, что в связи с этим происшествием Кубе оставил своё намерение удрать из Белоруссии.

БЕРЛИН. В связи с успешным сокращением фронта в России газета «Фелькишер Beobachter» значительно расширяет отдел траурных объявлений.

Окопы немцев под горой,
А наши — на горе.
И вот мы занялись игрой
Однажды в январе.

Мы в бочку насыпали камней,
Напружились, взялись,
И эту бочку без затей
Пустили к немцам вниз.

Озлились немцы — ну пулять!
А мы себе молчим.
Приходит день, и мы опять
Пускаем бочку к ним.

Грохочет бочка. Под горой
Чуть немец не оглох.
Вы представляете, какой
У них переполох?

Конечно, хитрый враг сидит
В земле и ни гу-гу.
И беспрепятственно катит
Подарок наш к врагу.

— О?! Что за бочка, скачет тут?
Как это лонимать?
Они навстречу к ней бегут,
Хотят её поймать.

Тут и кончается рассказ.
Подарок наш дошёл,
Но только был на этот раз
Положен в бочку тол.

Вот тут и началась игра,
Когда из-за горы
Побили наши снайпера
Штук восемь немчуры.

А что такое тол, — не я
Вам буду объяснять.
Толково стали мы, друзья,
С противником «играть»!

Валентин КАТАЕВ

Действующая армия.

Заколдованное место

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВЕТ ФРИЦАМ

Рис. Б. Фрицман.

НОВЫЙ РАССКАЗ ПАСИЧНИКА РУДОГО ПАНЬКА

ДА ВОТ было и позабыл самое главное: как будете, товарищи, ехать ко мне, то прямёхонько оседлайте шоссеиную дорогу, идущую на Диканьку. Про этот населённый пункт, думаю, вы слышались вдоволь. О Диканьке много писал житель здешних мест покойный талантливый классик Гоголь, Николай Васильевич. Об этом опорном пункте немецкой обороны сообщалось и в оперативной сводке Совинформбюро.

Приехав же в Диканьку, спросите только первого попавшегося на встречу школьника: «А где живёт бывший командир партизанского отряда пасичник Рудый Панько?» «А вот там!» — скажет он, указав пальцем на землянку подле обгорелой хаты, которую Гитлер, чертяка бы влез в его батьку, спалил в ту самую ночь, когда элас чню в одних исподниках сокращал фронт.

Употребные у нас места! Стелется пивенько зелёнький барвянок, играет на солнце водный рубез. Какой роскошный ландшафт! Где уж тут сидеть в хате да баклуши бить! «Мини нудно в хати жить. Ой, вези ж мене из дому, де багацько грому, грому, де гуляють парубки!» Ой, и гуляли наши парубки, а с ними и я, старый хрыч! Богатык фрицев полегло на нашем роскошном ландшафте в те дни, когда я был не Панько Рудый, а товарищ Р., командир партизанского отряда «Страшная месть».

Бывало, в вечер плакануне Ивана Купалы, а по и пак, без всякого Купалы, устроим диковинные вечерницы в каком-нибудь селе да пошлём в окна немецкой комендатуры игук десять варенух с изюмом да подадим фрицам таких дынь, каких они, может, от роду не ели, и вот тут-то и начнётся такая сорочинская ярмарка, про которую Николай Васильевич писал: «Шум, брань, мычанье, бляенне, рёв». И благочестивые старушки, пробуждённые криком, подымались, как в «Майской ночи», южюшки и крестились сонными руками, говоря:

— Ну, теперь гуляют наши парубки, дай им бог здоровья и оперативных успехов!

Глянешь в книжки Николая Васильевича и замечаешь, что почти все описанные там украинские рубежи упоминаются сейчас в сводках: Гадяч, Опощня, Миргород, Диканька, Сорочинцы, Полтава, Нежин, Запорожье, Конолоп, Киевское направление. И Днепр, который вольно и плавно мчит сквозь партизанские леса и укрепленные высоты полные воды свои. Глядишь и не знаешь, идёт или не идёт его величавая ширрина, — нет, скорей всего идёт, потому что потопный труп фрица, оторвавшись от берега, поплыл вниз по течению.

А вокруг какие роскошные немецкие кладбища — без меры в ширину, без конца в длину! Вот они, свежие «Мертвые души»!

Но вы, я знаю, хотите, чтоб старый Панько Рудый рассказал вам о кузнеце Вакуле. Ей-богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скудно: рассказывай да рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, в последний раз.

Был в нашем отряде волевой и выдержанный парубок. Звали его кузнец Вакула.

Гоголевский кузнец Вакула ездил на чорте. Наш Вакула не пользовался бесовским транспортом. Он был мастак по чугункам. И не один немецкий эшелон взлетел на воздух, точно испуганный перепел, после того как Вакула пошарил на путях. Золотые руки были у хлопца!

Умел кузнец и картинку малевать. Вот от тех картинок и пошла чудасия. Как-то наши хлопцы заночевали в одном местечке, в школе. Тут-то Вакула и нашёл книжку под заглавием «Мир животных». Вырезал он из книжки дысю обезьяну — шимпанзе, — намалевал противному животному омерзительные усики, германскую фуражку, и получился — не осудите за срамное слово — Гитлер.

Вакула вырезал из книжки ещё два обезьяньих рыла и без малейшего труда превратил их — не к ночи будь сказано — в портреты Геббельса и Розенберга.

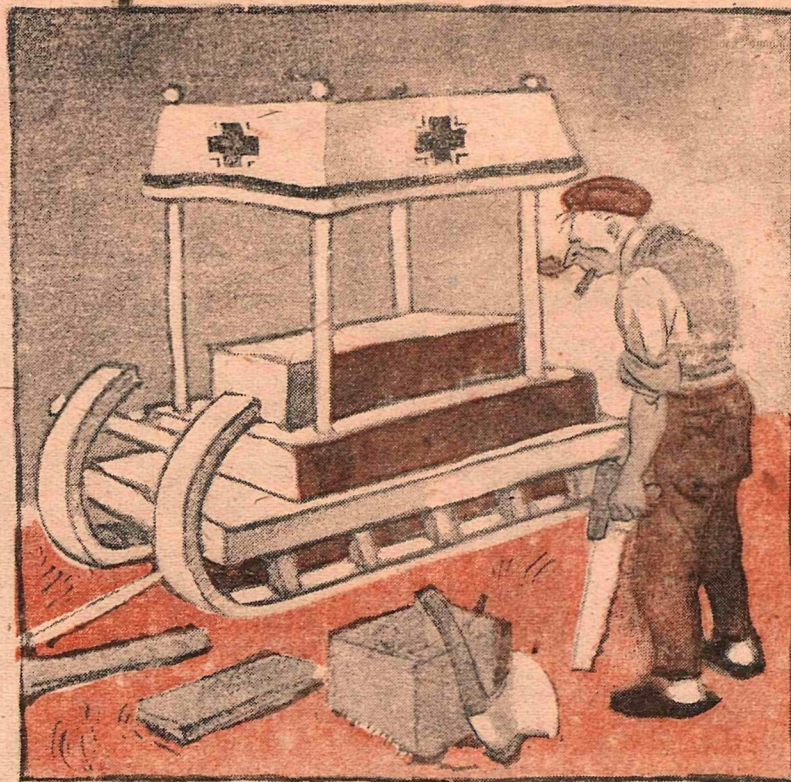
Все три портрета кузнец наклеил на большой лист фанеры и ночью поставил на площади, протянул к фанере проволоку и написал: «Заминировано».

Утром выставку обступил честной народ. Смотрят, усмеваются, завели такие шуточки, что и рассказать нельзя. А бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он бач, яка кака намалёвана!» Вскоре прискакал немецкий комендант — чтобы ему на том свете чорт борзду обжёл! — и разогнал добрых людей. Но как приступить к нему к этому заколдованному месту, если фашистские обезьяны заминированы?

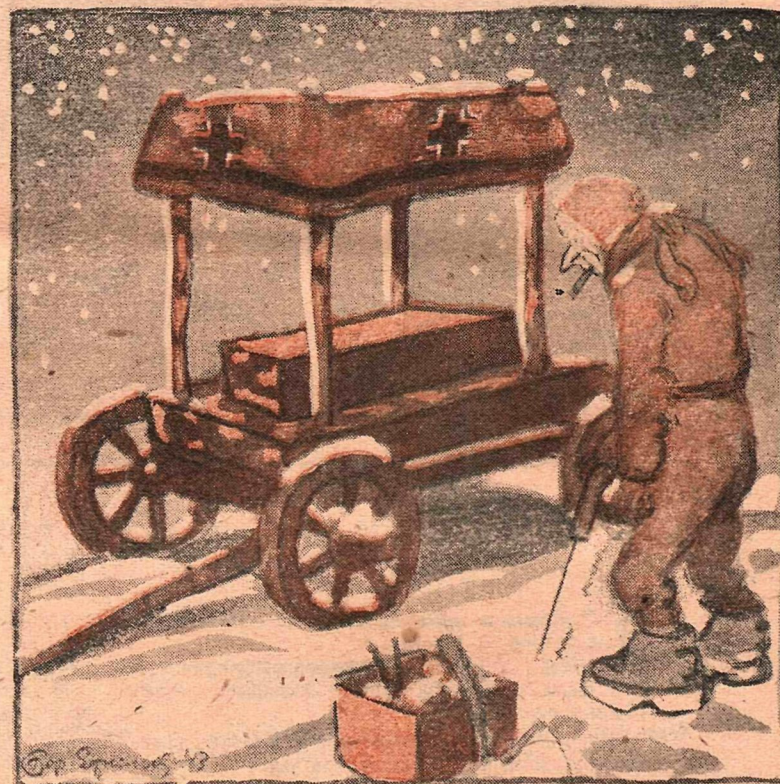
А ночью пришёл Вакула и, забрав выставку, огнёс её в соседнее село. А в следующую ночь — в другое село. Так это «заколдованное место» кочевало по всей округе. А немцам боязно притронуться к картинкам: «Заминировано».

Дразнил Вакула немцев до той самой поры, пока не появилась в наших местах Красная Армия. Вот тут пошло и пошло. И, как писал Николай Васильевич, кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе — и сам летишь, и всё летит вперёд — к Днепру и дальше, дальше... И какой же русский не любит быстрой езды?

Г. РЫКЛИН

Готовь сани летом...

...а телегу зимой.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

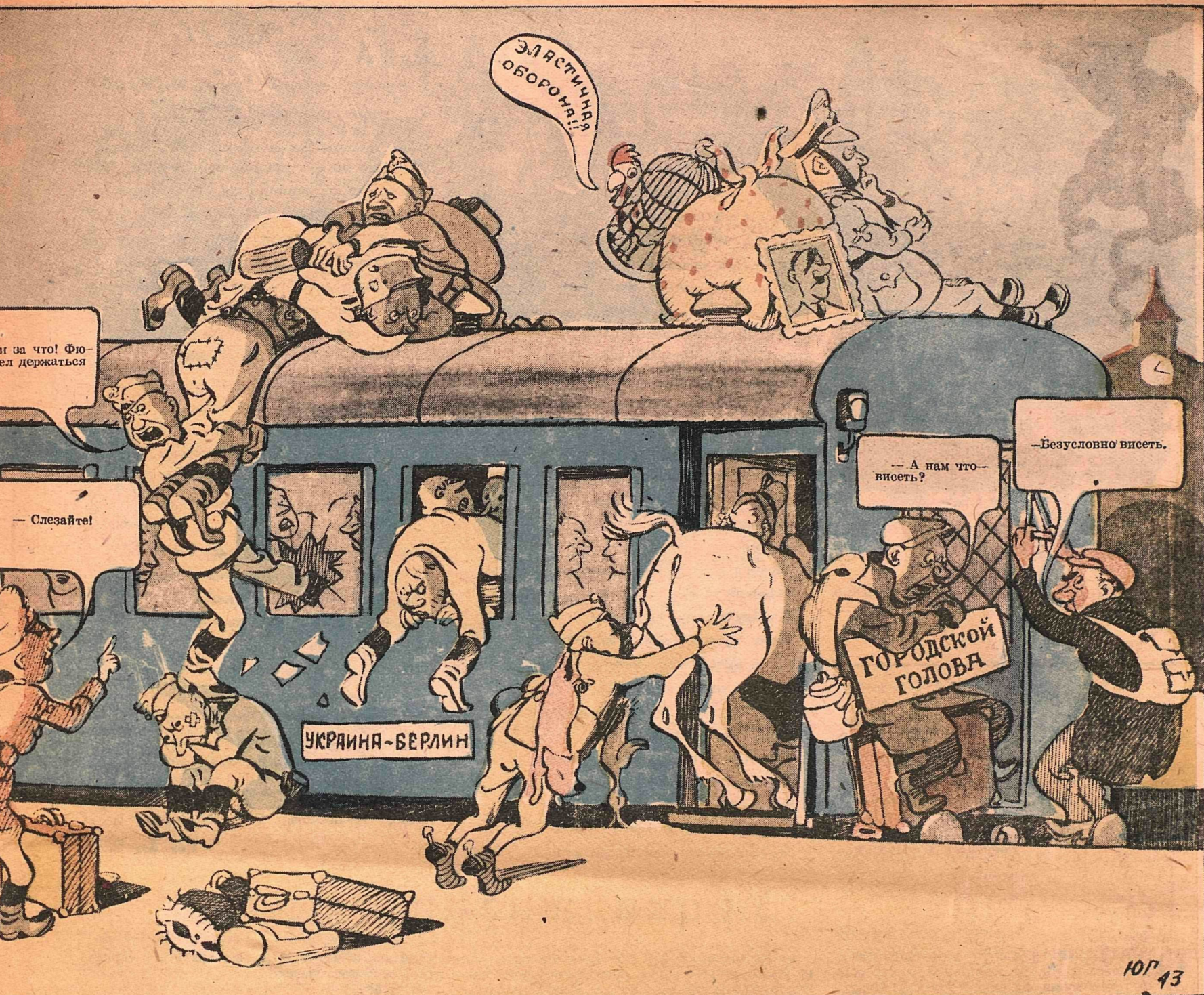
Пришли к прелестной синьорине
Под масками грабителя,
Они Бенито Муссолини
Для Гитлера похитили.

Но, ах! — Италия достанется
Не этой синьорине,
И будет жить, как бесприданница,
В Берлине
Муссолини.

Клянётся Гитлер, что красавица
Его пленила талией,
Но не она мерзавцу нравится,
А нравится Италия.

Что ждёт красавицу в Германии,
Узнаем мы впоследствии.
Но ждут её — скажу заранее —
Скандал, позор и бедствие.

С. МАРШАК

Украина—Берлин.

Музыкальная история,

или

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ФАКТ, НЕДАВНО ПРОИСШЕДШИЙ В ДОНБАССЕ

СТАРШИЙ из музыкантов, Пётр, играл на гармошке. Младший, Семён,— на мандолине. А два брата, Андрей и Тимоша, пели дуэты и играли на старых, чуть-чуть расколотых балалайках.

За несколько дней до начала наступления советских войск в Донбассе в маленьком шахтёрском посёлке прошла последняя репетиция этого квартета. Десяток песен, кое-как выученных четырьмя молодыми шахтёрами, составлял весь их репертуар.

Как только репетиция была закончена, четверо начинающих музыканта отправились в центр посёлка. Что и говорить, они очень волновались перед своим первым концертом, но всё же они верили в успех, и даже самый юный из них, Тимоша, обращаясь к друзьям, говорил:

— Мы сегодня обязательно должны отличиться.

Как бы то ни было, но, оказавшись в центре посёлка, где находились немецкие казармы, ребята осторожно открыли калитку и, обращаясь к дежурному, степенно подходи́вшему к

ним, вежливо и робко попросили разрешение дать концерт для немецких солдат и офицеров.

— О, мы знаем много красивых песен! — сказал Пётр.— Даже немецким офицерам будет интересно послушать наш потрясающий квартет.

Немцы разрешили дать концерт. Прошла минута — две, и вот во дворе казармы раздались первые звуки популярной шахтёрской песни. Немцы услышали музыку и начали выбегать во двор. Квартет с большим подъёмом исполнил весь свой репертуар. На фронто́не казармы висел большой портрет Гитлера, и Андрия под аккомпанемент гармоник, задумчиво глядя на него, пел: «Расскажи, Расскажи, бродяга, чей ты родом, откуда ты?»

Двор казармы уже был полон немцами.

— Все ли господа офицеры пришли послушать нас?—спросил Пётр, угодливо улыбаясь.

— Да, почти все,— ответил дежурный, на время покинувший ради такого необычного случая свой пост у калитки.

— Тогда мы исполним самый интересный номер нашей программы,— сказал Пётр.

Он взмахнул рукой, и все четверо начали петь «Дубинушку». «Сама пойдёт, сама пойдёт, эй, ухнем, эй, ухнем!..»

Песня оборвалась на полуслове, и в толпе солдат раздались взрывы. Четверо начинающих музыкантов с опытностью мастеров забросали немецких солдат и офицеров гранатами и тотчас же исчезли, пропали, словно в воду каули.

И долго после концерта на дворе казармы слышались вопли раненых, беготня и суматоха.

Квартет молодых шахтёров после первого же концерта зарекомендовал себя как слаженный, напористый и вполне совершенный ансамбль.

К. НЕПОМНЯЩИЙ.

Действующая армия.

Рис. В. КЛИНЧА.

— Что вас заставило сдаться?
 — Наследственность.
 — ?!
 — Мой отец в 1916 году сдался генералу Брусилову, а я в 43-м году — вам.

ХОРОШАЯ ПЛАТА

— Ты слышал, Отто, обер-лейтенант говорит, что Донбасс не имеет для нас никакой цены?
 — Возможно. Только наша дивизия заплатила за него шестью тысячами убитых, тремя тысячами раненых, восемьюдесятью орудиями, сорока двумя танками, сотнями миномётов и многими складами, не считая моей ноги и головы нашего командира полка.
 («Фронтная правда»).

ЖЁЛТОМ ПАКЕТЕ

Иван Сергеев (седьмого разряда)
 Достиг в производстве больших высот.
 Разрыв его каждого снаряда
 Верную гибель фрицам несёт.
 Немало захватчиков-злосудеев
 Заставил он землю носом рыть.
 ...Так вот этот самый Иван Сергеев,
 Окончив смену, решил закурить.
 По бумажке табак аккуратно рассеял
 Сергеев привычным движеньем рук,
 Плотню свернул, лизнул, заклеил
 И сунул продукцию в мундштук.
 Потом достал спички в жёлтом пакетике,
 Некрасивом и неудобном до чорта,
 Но, время учтя, ни вопросов эстетики
 Не поднял, ни вопросов комфорта.
 Он чиркнул раз — никакого эффекта.
 Чиркнул другой — отлетела головка,
 Зашипела и, как под влияньем аффекта,
 Вспыхнула вдруг и прожгла спецовку.
 Ивану Сергееву это не нравится,
 Но он методически чиркнул новой.
 Эта, как глупая красавица,
 Была стройною, белою и безголовою.
 Четвёртую фабрика сумела
 Так густо и плотно серой покрыть,
 Что она в момент «на работе сгорела»,
 Не дав подступиться и закурить.
 У Ивана Сергеева нет привычки
 Не заканчивать начатых им дел.

Он всё-таки (на двенадцатой спичке)
 Затянулся и... поразмыслить присел:
 «Ну, вот... Сочти-ка и разберись ты!
 Отказали одиннадцать штук подряд...
 А с фронтов мне пишут артиллеристы:
 Безопасно действует каждый снаряд.
 Выходит, что этот снаряд перед нею —
 Перед этой спичкой — игрушки? Пустяк?
 Выходит — её сработать труднее?
 Технически — вздор!

А практически — так.
 Может, скажут: «Теперь, мол, не те времена,
 Войну обслуживать срочно нужно». —
 Но работа моя — это ж тоже война!
 Значит, личность моя должна быть
 обслужена.

Директор спичфабрики, сидя в кресле,
 В стчётах, небось, превозносит свой хлам.
 Батюшки! Что бы мы делали, если
 Его бы в директоры дали нам!
 На этой мысли Сергеев загнулся,
 Прошептал с испугом: «Боже ты мой!» —
 Яростно и глубоко затянулся,
 Плюнул в сердцах и... пошёл домой.
 С читателя очень немного спросится:
 Пусть он скажет, описанный факт разобрав:
 а) К кому же этот плевок относится и
 б) Брать за него с Сергеева штраф?

Ник. АДУЕВ

Уроки жизни

ОТПРАВИЛСЯ я как-то в командировку. Человек я вообще неопытный, а тут ещё в такое время, да ещё в Москву. Понятно, что очень я беспокоился, как всё образуется.

— Приехал? — спрашивает меня Винокуров, приятель-москвич. — Ну, вот и отлично. Главное — не робей. Со мной не пропадёшь, я тут все ходы и выходы знаю. В Москве что нужно? В Москве нужно хлопотать. Сразу же принимайся относительно комнаты думать и постоянной прописки.

— Зачем же мне постоянная прописка?

— Чуждак! Не будешь же ты назад возвращаться! Все так делают. Прорвуться каким-нибудь способом в Москву, а потом до тех пор вольноты, пока к ним не привыкнут.

— Да зачем же мне это делать?

— Обязательно нужно. Месяцев шесть можешь даже в гостинице пробыть. Тебя, конечно, будут выгонять, а ты не уходи. Некоторые так по году выжидали.

— Да ведь у меня и срок-то — месяц.

— Эка важность! Продлим. Мало ли что можно выдумать! Где твой чемодан? Первые пять дней будешь ночевать сидя, в вестибюле гостиницы. Это вызывает у дирекции жалость, и тогда они предоставляют отдельный номер. Жаль, что ты не генерал: генералов сразу устраивают.

Я молчал. Что я мог сделать? Действительно, я был не генерал.

— Ладно, — вдохнул Винокуров, — теперь будем вопросы питания утрясать. Дураки пошли бы, конечно, к Музляеву, а мы дёрнем прямо к Салопятову.

Поехали. Винокуров осмотрел меня с головы до ног:

— Ты молчи. Я сам всё буду говорить. Но не робко молчи, молчи многозначительно, как будто что-то знаешь, но не хочешь сказать. Пошли!

Винокуров распахнул двери, и мы вошли. В кабинете сидел Салопятов, а вокруг него жались просители с кипами удостоверений и справок.

Мой приятель всех растолкал, пробился к столу и крикнул:

— Вот он! Смотрите на него! Прибыл, что называется!

И затем громко зашептал:

— С Иваном Ивановичем согласовано.

Тут все посмотрели на меня, а Салопятов сказал:

— Однако я не понимаю...

— Что же тут не понимать? — удивился Винокуров. — Всё ясно!

— Но по какой же группе его питать?

— Как, по какой? Это даже странно!

— С деятелями искусства просто. Если ты лауреат, — литер «А». Ограниченно гениальный — литер «Б» и ещё что-нибудь. А тут я просто затрудняюсь...

— Да вы только взгляните на него! Ну? Безоговорочное «А», даже сомневаться не приходится!

Выйдя из кабинета, Винокуров пояснил:

— Литер «А» я нарочно заломил, чтобы «Б» обеспечить.

Затем он потащил меня в театральную кассу.

— Это ещё зачем?

— Возьмёшь два билета и пригласишь девушку из киоска. Свежая газета будет обеспечена. Свежую газету ты будешь давать Мусе. Муся будет давать тебе папиросы, а за

папиросы я научу тебя, как бриться в парикмахерской вне очереди...

— Всё?

— Нет, не всё. Вечером мозоль глаза директору гостиницы, утром пойдём прикреплаться, а к вечеру — опять к Салопятову.

— Позволь, но у меня же есть дела, я всё-таки в командировке!

— Как ты глуп! Кто же приступает к делам раньше чем через месяц?

— Но всё-таки...

— Никаких «всё-таки»... Поклонись этой фигуре, которая идёт навстречу: это замдиректора столовой. Неважно, что незнаком.

...Ночью я сидел в вестибюле и думал о том, как сложна и многогранна жизнь. Вдруг я заметил какую-то крадущуюся тень. Да, это был Винокуров! Не замечая меня, он остановил человека в фетровой шляпе и пробормотал:

— Костя! У меня идея: что если мне опять у тебя переночевать?

— Не выйдет, — спокойно ответил человек в фетровой шляпе.

— Костя, но почему? Я бы опять на диване.

— Нельзя.

— Костя! Ещё один вопрос: Нет ли у тебя какой-нибудь заваливающей папиросы? Три дня не курил.

— Видишь портсигар? Пустой. Спокойной ночи.

Человек в фетровой шляпе звякнул ключом, тень Винокурова растаяла в сумраке коридора.

Утром я — конечно, без помощи Винокурова — получил номер. Винокуров уже неделю живёт у меня и спит на диване.

ДМ. ЧЕТВЕРИКОВ

ЗАБОР

ПРОЕЗЖАЯ мимо забора, одно руксводящее лицо сказало:

— В заборе — дыра. Как это, однако, некрасиво.

Об этом узнали немедленно и подняли переполох:

— Кто допустил возникновение дыры?

— Следствием чьей преступной халатности явилось допущение возникновения?

До обеда вопрос о дыре подняли на принципиальную высоту. После обеда начала заседание ликвидационно-дырная комиссия. Умело и быстро было мобилизовано общественное негодование и направлено в сторону дыры в заборе.

В двенадцатом часу ночи, как принято в лучших домах, началось узко-техническое заседание и кончилось, также по примеру лучших домов, в шестом часу утра. Бледноспиреневые

и насквозь прокуренные, вышли члены комиссии на двор и направились к забору. Кто-то сказал:

— Вот какими темпами научились жить! Прежде месяца полтора эту дыру проветривали бы. А тут, на-ко-ся, в одну ночь!

А ещё кто-то сказал растерянно:

— А где ж дыра-то?

Забор, действительно, стоял, а дыры не было. И тут появился дворник Степан.

— Это насчёт дыры, что ли? — спросил он —

А я её ещё вчерашний день ликвидировал. Забил, значит, дощечкой.

Под горячую руку хотели Степана либо снять с поста дворника либо объявить строгий выговор за срыв работы комиссии. Но воздержались.

В КАРБОВСКАЯ

Дорогой Крокодил

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Товарищ Крокодил!

31 мая в г. Коканд прибыла с фронта моя посылка, но вручили её моей жене только 25 июля. Жена аккуратно пригодила на почту, и ей вежливо сообщили: «Посылки ещё нет». Так продолжалось около двух месяцев. Наконец почтовикам надоела игра в прятки, и они вручили посылку, но при этом потребовали за хранение 51 рубль.

Я предвижу далеко идущие последствия, если этот интереснейший опыт кокандской почты получит широкое распространение.

В самом деле, срочная телеграмма пришла через три недели. Извольте уплатить за то, что работники связи столько времени с ней возились. Заказное письмо не доставлено по назначению — здесь уже отправителю придётся доплачивать за причинённое беспокойство.

Интересно, как к этому нововведению отнесётся Наркомат связи?

Майор Ю. РУЖАНСКИЙ

Дорогой Крокодил!

Долгое время ломали мы голову над тем, как оживить музыкальные радиопередачи. Наконец Всесоюзный радиокомитет смилиствился над нами и прислал партию граммофоновых

ЗНАЕТ НАЗУБОК

Рис. Б. Фридкина

— Скажи, Ганс, как будущее время от глагола «побеждать»?

— Будущего времени от глагола «побеждать» на немецком языке нет.

пластинок без какого-либо намёка на то, что на них воспроизведено.

Сначала мы сами потеряли покой и беспрерывно спрашивали друг друга:

— Это что: хор Пятницкого или Свишниковова?

— А это что? Как будто похоже на Глинку, но, с другой стороны, вполне вероятно, что это Держинский.

Но потом здраво решили перенести эту музыкальную викторину в эфир: пусть и слушатели включатся в наш спор. Одного мы только опасаемся: как бы радиослушатели не забросали нас запросами, кому именно они обязаны такому оживлению наших передач. А мы, как на грех, сами не знаем, кто из Всесоюзного радиокомитета нам услужил. А знать нам это очень хотелось бы.

Л. ШУТЫЛЕВА,

отв. секретарь редакции «Последних известий по радио».

г. Барнаул.

Дорогой Крокодил!

Наш дом № 12 по Ленинградскому шоссе очень легко разыскать. Если ты пойдёшь по Ленинградскому шоссе и увидишь дом без помывки, с дырявыми крышами, без управдома и вообще без всякого порядка, не колеблясь, заходи. Ты не ошибёшься.

А вот жилищное управление Ленинградского района, несмотря на столь резкие отличительные признаки, никак не удаётся к нам зайти, посмотреть, что же у нас делается.

Жильцы дома:

ЧИСТОВ, ВОЛКОВ, САЗОНОВ, БЛАГИН и другие (всего 24 подписей)

Москва.

Дорогой Крокодил!

Как-то наш клубный драмкружок заготовил сцену из «Гамлета». Кружковцу, который репетировал роль Гамлета, всё не удавалось знаменитый монолог — «Быть или не быть?»

Так вот, нам кажется, что этот монолог с успехом мог бы прочитать наш председатель исполкома Чернов.

Если бы ты слышал, как трагически он изрекает: «Рухнет или не рухнет?..», — глядя на ветхое здание районного клуба. Скажет эти слова — и выносит резолюцию о срочном ремонте. Потом снова душераздирающий монолог «Рухнет или не рухнет?..» И снова резолюция о срочном ремонте.

И так это всё у Чернова эффектно получается, театрально. Прямо замбуешься!

Интересно только, чем всё это, в конце концов, кончится?

Е. ЧЕРНИЧЕНКО, Н. ЧЕРНЕНКО
с. Молотово, Омской области.

НЕПРОХОДИМЫЙ БОДРЯЧОК

— Пишите, дорогой: я не боюсь огласки!

Вы информировать общественность должны, что даже при наличии войны

на мною возглавляемом участке

Все граждане вполне удовлетворены!

Пишите всё, как есть... Я не стесняюсь краски,

и лавры мне чужие не нужны!

В районе лично мною созданы

Артель по обработке белены

и комбинат, сшивающий подвязки.

Все малые отделы сведены,

Большие мною разукрупнены!

Вопрос с ремонтом близится к развязке,

Дрова уже почти завезены —

Ещё с весны заказаны салазки...

Пишите смело: это всё — не сказки!

Все бытовые нужды учтены...

Не верите? Спросите у жены!

Уборные у нас утеплены,

И окна все кругом остеклены

При помощи мной созданной замазки!..

Недавно тут меня одна статья задела:

Какой-то критик записной

Кричал, что надобно болеть за дело!

Болеть?! Он, видно, сам слегка — ха-ха! —

больной...

За дело не болеть, а радоваться надо!

Не прагда ли? Так полагаю я!

Я эту мысль готовил для доклада...

Упомяните, что она моя.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 719.

Подп. к печати 6/Х 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 7. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 3781.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2518. Тираж 100 000.

ЛІПРЬ
ЧАСОПИС

	ср. оз. и сер. м.	лет. денз. в.	урн. лет.
Получ. в р.д.			
Сдан в архив	26/7		

✓2370

Вечера на хуторе западнее Диканьки.

26/7